

Пока жива надежда

Автор:

Линн Грэхем

Пока жива надежда

Линн Грэхем

Любовный роман – Harlequin #291Скрытая беременность – причина для свадьбы
#3

Работа полностью поглощает молодого ветеринара Джесс Мартин, и на личную жизнь у нее не остается времени. Зато она очень любит родителей. Однажды отец признается ей: он невольно способствовал краже ценной картины из богатого дома, где служит. Чтобы спасти отца от ареста, Джесс отправляется к владельцу дома...

Линн Грэхем

Пока жива надежда

Jess's Promise © 2011 by Lynne Graham

«Пока жива надежда» © ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2013

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф»,
2013

Глава 1

Цезарио ди Сильвестри не спалось.

События последних месяцев поставили его перед выбором, и действовать пришлось решительно: отбросить все второстепенное и сосредоточиться на главном.

Но пока он без устали трудился, желая добиться успеха в бизнесе, в личной жизни трудиться уже стало не над чем. В постели Цезарио побывало много женщин, и лишь одну из них он действительно любил. К сожалению, Цезарио так мало уделял ей внимания, что она успела влюбиться в другого...

Ему исполнилось уже тридцать три года, но о браке пока и речи не было.

О чем это говорило? Может, он по натуре холостяк? Или просто не желает связывать себя обязательствами?

Цезарио глухо застонал, устав от философских размышлений. Он всегда был человеком действия – динамичным, хладнокровным бизнесменом.

Махнув рукой на сон, он натянул шорты и пошел через анфиладу комнат своей марокканской виллы, все красоты которой уже давно для него ничего не значили. Остановившись у кулера, налил стакан ледяной воды. С жадностью выпил.

Как он признался Стефано, своему кузену и самому верному другу, в этом возрасте ему уже хотелось иметь ребенка. Но только не от женщины, для которой деньги стояли бы на первом месте. У нее и ребенок вырос бы таким же.

– У тебя еще есть время, чтобы завести семью, – сказал Стефано. – В камне ничего не высечено. Просто делай, что ты хочешь, а не то, что следует.

Наверху зазвонил телефон. Цезарио направился к лестнице. Кому это вздумалось звонить среди ночи? Звонок оказался от Риго Кастелло, шефа службы безопасности. Он сообщил неприятную новость. Этой ночью из загородного дома Цезарио в Англии была украдена картина – недавнее приобретение, стоимостью около полумиллиона фунтов. Судя по всему, к ограблению причастен кто-то из прислуги.

Цезарио был взбешен. Он щедро платил своим работникам и считал себя вправе рассчитывать на их преданность. Когда виновный будет найден, уж он позаботится, чтобы тот получил сполна!

Однако через несколько минут его злость прошла. На лице появилась улыбка. Он подумал о своем, теперь уже неминуемом, визите в тот чудесный уголок Англии, где жила его прекрасная Мадонна. В отличие от других женщин, которые были для Цезарио практически взаимозаменяемыми, английская Мадонна обладала одной уникальной особенностью: она единственная из всех сказала «нет» ему, Цезарио ди Сильвестри.

Один совместный ужин – и вот он уже стал историей. Впервые в жизни Цезарио был отвергнут женщиной. Для него, обладающего прирожденной натурой бойца, этот случай до сих пор оставался и загадкой, и вызовом.

Маленькая брюнетка, что-то успокаивающе приговаривая, ловко орудовала ножницами в свалявшейся собачьей шерсти.

Наконец работа оказалась закончена. Губы Джесс дрогнули. На истощенное собачье тело было больно смотреть. Страдания животных всегда глубоко трогали ее. Желая помочь несчастным созданиям, Джесс пошла учиться на хирурга-ветеринара и теперь делала все, что в ее силах.

У нее была помощница – худенькая девочка-старшеклассница, которая приходила по выходным.

– Ну как он? – с сочувствием спросила Кайли.

Джесс невесело усмехнулась:

– Не так плохо для своего возраста... Он уже старый... но, думаю, с ним будет все в порядке, когда мы его накормим и подлечим.

– Для старых собак трудно найти новых хозяев, – вздохнула Кайли.

– Как знать...

На самом деле она все прекрасно знала. Маленькая собачья компания из тех, кого Джесс удалось спасти за последние несколько лет, представляла собой разношерстное сборище старых, изувеченных животных. Такие собаки действительно никому не нужны...

На своей первой работе в деревушке Чалбери-Сант-Хеленс Джесс жила прямо над операционной. Однако, когда владелец ветеринарной практики захотел расширить дело и превратить квартиру, которую занимала Джесс, в офис, ей пришлось искать себе другое пристанище. Все, что удалось найти, – это старый дом на окраине деревни с парой полуразвалившихся сараюшек. Вид у дома был неказистый, удобств – минимум. Зато с одной стороны он выходил в поле, и его владелец не стал возражать, чтобы Джесс устроила там приют для собак.

Несмотря на хорошую зарплату, она едва сводила концы с концами – каждый сэкономленный пенни уходил на еду и лекарства для животных. Зато Джесс занималась тем, что ей нравилось, и была счастлива. Застенчивая и неловкая с мужчинами – результат одного случая, оставившего физические и душевные раны, – Джесс делала все, чтобы поладить с людьми, однако ей по-прежнему лучше всего было с ее четвероногими друзьями.

Услышав шум подъехавшей к дому машины, Кайли выглянула из сарая:

– Это твой отец, Джесс...

Джесс удивленно подняла голову. Роберт Мартин редко появлялся здесь по выходным. Последнее время она вообще, можно сказать, его не видела. Тем не менее он периодически заглядывал к дочери, помогая со всяким мелким ремонтом.

Это был пятидесятилетний крепко сложенный мужчина со спокойным характером – хороший муж и замечательный отец. В то время как все считали, что Джесс замахнулась слишком высоко, собираясь стать хирургом-ветеринаром, Роберт и на этот раз поддержал ее. И эта поддержка оказалась очень важна, особенно когда Джесс поняла: он, наверное, был единственным отцом, который не хотел влиять на решение своей дочери.

– Ну, я пойду продолжать кормежку, – сказала Кайли, когда в дверях появился седой коренастый мужчина.

– Я через минуту освобожусь, пап! – Джесс сидела на корточках, обрабатывая раны собаки антисептиком. – Вот уж не ждала тебя утром в воскресенье...

– Мне нужно поговорить с тобой... Потом ты пойдешь в церковь... а вечером у тебя дежурство, – проворчал он, и что-то в его голосе заставило Джесс повернуть голову.

Она нахмурилась. Отец выглядел бледным и растерянным.

– Что случилось? – Джесс видела отца таким только однажды – в день, когда ее матери поставили тот страшный диагноз...

– Закончи сначала со своим пациентом.

Джесс попыталась подавить охвативший ее страх. Боже, неужели у матери рецидив? Это была первая мысль, которая пришла ей в голову. У нее задрожали руки. Потом она вспомнила: в это время у матери не должно быть никаких плановых проверок...

– Подожди меня в доме, я скоро... – сказала она, отгоняя недоброе предчувствие.

Закончив с обработкой раны, Джесс отправила собаку в ее загончик. Пес ткнул носом в миску и начал с жадностью заглатывать пищу – наверное, это была его первая еда за несколько дней.

Джесс тщательно вымыла руки и быстро пошла к дому. На кухне, понуриив голову, сидел Роберт Мартин.

– Так что же случилось? – спросила Джесс.

Он поднял голову. В темных глазах – вина, тревога.

– Я сделал глупость... ужасную глупость, – запинаясь, пробормотал он. – Мне не хотелось тебя беспокоить, но матери я не могу этого сказать. Ей и так через

столько пришлось пройти... А эта история может совсем ее подкосить...

– Ладно. Просто скажи, что случилось, – мягко подтолкнула его Джесс, не сомневаясь: отец наверняка преувеличивает. Она не могла себе даже представить, что ее отец способен на действительно плохой поступок. У него был открытый характер, люди в деревне его уважали. – Ну так что ты за глупость сделал, пап?

Роберт Мартин медленно покачал головой:

– Во-первых, я не у тех людей занял денег...

Глаза Джесс расширились.

– Значит, проблема в деньгах? Ты залез в долги?

Роберт тяжело вздохнул:

– Это еще только начало... Ты помнишь тот кризис? Куда мы отправились с твоей матерью после того, как она вышла из больницы?

Джесс медленно кивнула. Это был первый отдых родителей за многие годы, чего они раньше никогда не могли себе позволить.

– Ты сказал, это деньги из твоих сбережений...

Роберт покачал головой:

– Не было у меня никаких сбережений... У меня никогда не получалось откладывать, как я на это надеялся в молодости. С деньгами у нас всегда было туго.

– Значит, тебе пришлось занять деньги на кризис... И у кого ты их занял?

– У брата твоей матери. У Сэма... – Роберт виновато вздохнул и отвел глаза.

– Но ведь Сэм – акула! Ты же знаешь, что это за семья! Разве ты сам не предупреждал всех не связываться с ним?

– Банк мне отказал... Оставался только Сэм... Ему было жаль сестру, и он сказал, что подождет с выплатой долга. Но потом... потом он ушел на покой – и все дела перешли к его сыновьям. А у Марка и Джейсона свой подход.

Джесс тяжело вздохнула. Чем она могла помочь, когда у нее самой не было никаких сбережений? Она почувствовала себя виноватой. Зарабатывая больше, чем ее родители и братья, Джесс тем не менее не могла предложить родным никакой помощи.

– Сумма, которую я занял, теперь стала еще больше. Джейсон и Марк последнее время трясли меня чуть ли не каждый день. Приезжали ко мне на работу, звонили ночью, чтобы напомнить, сколько я им должен... Не представляешь, чего мне стоило держать все это в тайне от Шарон. Они достали меня... Я просто не знал, что делать. Не было никакой возможности в ближайшее время отдать им долг. Наконец они предложили мне сделку...

Джесс испуганно посмотрела на него:

– Сделку? Какую еще сделку?

– Господи, какого же дурака я свалял! Но они сказали, что спишут мне долг, если я соглашусь им помочь.

От напряжения Джесс почувствовала, как у нее свело живот.

– Так чем ты им... помог?

– Они сказали, что хотят сделать фотографии картин Холстон-Холла и продать их одному из толстых журналов, ну вроде тех, что читает твоя мать, – проворчал Роберт, который обычно и взглядом не удостоивал подобные издания. – Джейсон всегда хвастался, что он хороший фотограф, а Марк сказал: мол, эти фотографии будут стоить целое состояние. Я подумал, ну какой от этого может быть вред?

– Какой может быть вред? – изумленно повторила Джесс. – Впустить чужих людей в дом твоего хозяина? Какой вред?!

– Я не хочу притворяться, будто не знал, что мистеру ди Сильвестри это не понравится... Но я считал: об этом никто никогда не узнает. Я ошибся...

Наконец перед глазами Джесс сложилась вся картина. Ее лицо побледнело.

– О боже! Ограбление... украденная картина... И ты в этом замешан?

– В тот вечер я дал Джейсону и Марку мой секретный код и карточку. Я действительно думал – им нужны только фотографии, Джесс! Мне и в голову не приходило, что они могут что-то украсть. Господи, какой я идиот! Теперь я вижу – все это было запланировано!

– Ты должен сейчас же пойти в полицию и все рассказать!

– Это не нужно... полиция сама ко мне скоро придет, – вздохнул Роберт. – Вчера я узнал: новая охранная система способна определять, чей именно этот код. Так что скоро все станет известно...

Джесс с трудом подавила дрожь. Она была в шоке. Ее двоюродные братья Джейсон и Марк Уэлчи использовали ее отца, чтобы проникнуть в хозяйский дом! Они специально преследовали дядю, зная, что он не сможет скоро отдать свой долг, а потом сделали ему свое предложение. И он оказался достаточно наивным, чтобы поверить их истории с фотографиями!

«Но отец всегда был наивным, – с горечью думала Джесс. – Простым работником поместья Холстон-Холл, который до этого злосчастливого круиза никогда не отъезжал дальше пятидесяти миль от места, где родился».

– Это братья Уэлч украли картину?

– Я не знаю, что произошло в ту ночь... Я просто назвал код и передал карточку, которую утром мне бросили в почтовый ящик. На следующий день Джейсон и Марк предупредили меня – держи язык за зубами. Позже, когда я заговорил с ними об ограблении, они сказали: знать ничего не знают и у них есть алиби на

тот вечер. Не думаю, что они такие крутые ребята. Скорее всего, они дали код и карту кому-то еще. Но у меня все равно нет никакой зацепки...

Джесс подумала о Цезарио ди Сильвестри, итальянском промышленном магнате, чья картина была украдена по вине ее отца. Вряд ли он оставит такое преступление безнаказанным. И вообще, поверит ли кто-нибудь словам Роберта Мартина, будто он не был добровольным соучастником в этом деле? То, что он проработал почти сорок лет в поместье Холстон-Холл, поможет ему не больше, чем отсутствие криминального прошлого. В данном случае все зависело от тяжести преступления.

Перед уходом отец попросил ничего не говорить матери. Джесс нахмурилась:

- Ты должен обязательно ей все рассказать. Только представь, какой это будет для нее шок, когда в дом заявится полиция!

- Если Шарон будет переживать, она снова заболеет, - пробормотал Роберт.

- Что бы ни случилось, гарантий все равно нет, - напомнила Джесс слова онколога, который год назад лечил ее мать. - Все, что мы можем, - это молиться и надеяться на лучшее.

- Я так подвел ее... - Роберт беспомощно опустил голову, его глаза наполнились слезами.

Джесс молчала. У нее просто не было слов, чтобы предложить отцу утешение. Будущее выглядело действительно мрачным. Могла ли она чем-то помочь? Могла ли сама встретиться с Цезарио ди Сильвестри и поговорить об отце? Эта идея показалась ей совсем не блестящей.

Она однажды ужинала с ним... Джесс просто ничего не оставалось, как принять предложение Цезарио - во-первых, потому, что он был работодателем ее отца, а во-вторых - одним из самых ценных клиентов самой Джесс.

О, тот злосчастный вечер! Она умудрилась сделать все не так - и с тех пор старалась не появляться в конюшне Холстон-Холла во время визитов Цезарио. В его присутствии Джесс всегда ужасно смущалась, что тут же отражалось на ее

профессиональных способностях.

Он никогда не был с ней невежлив. Напротив. Джесс еще не встречала никого с такими изысканными манерами. Не могла она обвинить Цезарио и в каких-то домогательствах – он никуда больше ее не приглашал. Тем не менее в его отношении к Джесс всегда чувствовалась какая-то... ирония? Для начала она никак не могла понять, почему он вообще пригласил ее с ним поужинать. Ведь Джесс ничем не напоминала тех говорливых, раскованных девиц, с которыми его обычно видели в свете.

Цезарио ди Сильвестри имел репутацию донжуана, и Джесс прекрасно об этом знала. По соседству с ее родителями жила его бывшая экономка. Истории, которые рассказывала Дот Смитерс о вечеринках в доме, где длинноногие красотки развлекали мужскую половину гостей, постоянно давали пищу и местным таблоидам – с тех пор, как итальянский миллионер купил Холстон-Холл. Джесс и сама не раз видела Цезарио ди Сильвестри с двумя-тремя женщинами или даже с целой их компанией. И все соперничали между собой в борьбе за его внимание. Так что не было оснований сомневаться в слухах – иногда в его постели оказывалось сразу несколько красавиц...

Неудивительно, что у Джесс не было никакого желания принимать приглашение Цезарио. Да к тому же она «не его поля ягода» – ни по внешнему виду, ни по положению. Что хорошего могло выйти из таких отношений? Люди должны учитывать разделяющие их барьеры. Ее матери пришлось заплатить высокую цену, когда она решила пренебречь этим правилом...

И ужин в тот вечер лишний раз напомнил об этом. Цезарио пригласил Джесс в один из тех маленьких эксклюзивных ресторанчиков, где она казалась явно плохо одетой по сравнению с другими женщинами. К тому же она никак не могла сообразить, чем надо есть то или иное блюдо. У нее и сейчас начинали гореть щеки, когда она вспоминала, что ела десерт ложкой, а не вилок, как Цезарио.

Но пиком всего стало его предложение провести с ним ночь. И это после одного-единственного поцелуя! Судя по всему, Цезарио ди Сильвестри при уходе времени даром не терял! Джесс это возмутило. Неужели он считал ее такой доступной пустышкой, думая, что она способна отправиться в постель с мужчиной, которого едва знала?

Поцелуй, конечно, был необыкновенным... Но то чувственное удовольствие, которое ей доставил Цезарио, только еще больше убедило ее не повторять этот опасный эксперимент. Здравый смысл подсказывал ей не заводить роман с богатым ловеласом. Такие неравные отношения не могли принести ей ничего, кроме горя. И пример тому был в ее собственной семье. Если бы она провела ночь с Цезарио, то, скорее всего, просто пополнила бы его счет очередной одержанной победы, и это стало бы концом их отношений.

Джесс давно уже ни с кем не встречалась, чтобы не осложнять себе жизнь. Хотя последнее время стала жалеть об этом. Она еще подростком обожала детей и мечтала, что когда-нибудь и сама станет матерью. Теперь, когда ей исполнилось тридцать, Джесс старалась как можно чаще навещать семью брата, считая, что своих детей у нее уже не будет...

Понимала Джесс и другое: во многом ее привязанность к животным являлась своего рода замещением нереализованного материнского инстинкта. Одно время она даже хотела родить себе ребенка и без мужа, но ее пугала перспектива стать одинокой матерью, вынужденной целыми днями пропадать на работе. У ребенка должны быть и мать и отец...

Такой сценарий Джесс осуществить не по силам, а взваливать весь груз на плечи своего отца она считала нечестным...

На следующее утро, приехав на работу, Джесс первым делом зашла в операционную, проведать единственного своего пациента – кота с больной печенью. Сделав необходимые процедуры, она занялась вновь прибывшими. Среди них были: золотая рыбка в банке, уже дохлая, собака с несколькими ранами на голове и голый как коленка, но совершенно здоровый попугай.

Почти всю ночь Джесс провела без сна, думая об отце. Ее мать так и не позвонила, а это означало одно: Роберт ей и сегодня ничего не рассказал. Мать и дочь всегда были очень близки, и сердце Джесс обливало кровью, предчувствуя ее боль, когда та все узнает.

И вряд ли разговор с Цезарио мог что-то изменить. С другой стороны, разве не обязана дочь использовать даже малейший шанс помочь своей семье?

По вторникам у Джесс был плановый осмотр лошадей в конюшнях Холстон-Холла. В поездках ее всегда сопровождали несколько собак. Разделив своих питомцев на две группы, она по очереди брала их с собой. Сегодня была очередь Джонсона – трехногого одноглазого колли, искалеченного фермерским трактором, Дози – гончей, страдающей нарколепсией и способной заснуть где угодно, и Хагса – огромного волкодава, который становился очень беспокойным всякий раз, когда Джесс надолго исчезала из его поля зрения.

Стоило Цезарио увидеть трех разношерстных собак у входа в конюшню, как он уже знал: Джессика Мартин здесь. Он улыбнулся знакомой картине, как всегда удивляясь, зачем она обременяет себя теми, кого отвергли другие? Менее презентабельную компанию трудно было себе и представить. Огромный волкодав скулил и капризничал, как переросший ребенок, гончая уже успела заснуть в какой-то грязной луже, а колли всякий раз испуганно жался к стене, когда рядом проезжала чья-нибудь машина.

Старший конюх, увидев хозяина, поспешил ему навстречу. Глубоко посаженные глаза Цезарио, скользя по нему, остановились на маленькой фигурке женщины, склонившейся над ветеринарной сумкой.

Классической чистоты профиль Джессики Мартин доставлял Цезарио больше удовольствия, чем профиль на портретах Мадонны эпохи Ренессанса. У Джессики были изящные, но четкие черты, нежного цвета, словно взбитые сливки, кожа и соблазнительно изогнутый рот – мечта любого мужчины. Но самым главным достоинством ее лица были необычайно светлые – как серебро – глаза и вьющиеся темные волосы, собранные сзади в хвост. Она никогда не пользовалась косметикой и не носила ничего более женственного, чем джинсы и свободные жакеты. Тем не менее плавные линии ее хрупкой фигуры неизменно приковывали к себе взгляд.

Сейчас на ней были выгоревшие бриджи, ботинки на толстой подошве и поношенный жакет, который стоило бы выкинуть еще несколько лет назад. Одним словом, полный контраст тому, что Цезарио привык ценить в женщинах. Он всегда был перфекционистом, а успех в делах и у противоположного пола только усилил эту склонность. Цезарио нравились ухоженные, хорошо одетые женщины, и каждый раз, встречая Джессику Мартин, он неизменно удивлялся: почему же его так тянет к ней? Может, дело в том, что однажды она сказала «нет» и предложила ему принять холодный душ? А ведь их влечение было

взаимным, он знал это. Цезарио видел, как она посмотрела на него во время ужина, а потом весь вечер избегала его взгляда. Может, какой-нибудь мужчина отбил у нее охоту к любви? Или же причина была в чем-то другом?

Но ничего из этого не могло охладить пыл Цезарио, когда он смотрел на ее плотно обтянутые бриджами бедра. Сорвать бы с нее всю эту нелепую одежду, и она была бы совершенством! Он почувствовал знакомую тяжесть внизу живота.

От зрительного наслаждения Цезарио мгновенно перешел к отчаянию – его никогда не могло удовлетворить одно созерцание. Созерцание без обладания – это не для него! «Черт, эта девушка совсем не моего типа!» – напомнил он себе, вспоминая их ужин. Тогда она надела мешковатое черное платье и едва выговорила пару слов за весь вечер. Вот и сейчас Джесс до последнего будет делать вид, будто не замечает его!

Джесс чувствовала себя парализованной в присутствии Цезарио. Она развила такую бурную деятельность, стремясь все успеть к его приходу, что едва не пропустила высокий звук мотора «феррари». В то время как все ездили по сельскому бездорожью на высоких джипах, Цезарио и здесь отдавал предпочтение дорогой спортивной машине.

Джесс медленно повернула голову и посмотрела на него. Цезарио разговаривал с Доналдом Перкинсом.

Она знала Цезарио уже два года, и тем не менее его непринужденные манеры и стиль до сих пор производили на нее впечатление. За исключением небольшого шрама на виске, в его внешности не было никаких изъянов, и это лишний раз напоминало Джесс о ее собственных недостатках. Цезарио ди Сильвестри был выше шести футов, сложен как атлет и даже в повседневной одежде выглядел настолько элегантно, что казалось, он сошел с обложки модного журнала. Приталенный силуэт льняного костюма-двойки подчеркивал его широкие плечи, узкие бедра и длинные сильные ноги. Черные, слегка волнистые волосы, позолоченная средиземноморским солнцем кожа, чувственно изогнутый рот так и притягивали к себе взгляд. Стоило раз увидеть его лицо, как хотелось смотреть на него снова и снова.

Опустив голову, Джесс вернулась к своему занятию. Да и что она собиралась ему сказать? Роберт по-прежнему оставался на свободе, а значит, его роль в ограблении еще не была установлена.

- Джессика...

Ее щеки порозовели. Цезарио был единственным, кто называл ее полным именем.

- Мистер ди Сильвестри...

Наконец-то ей удалось это выговорить, не запинаясь на каждом слогe. Тем не менее она по-прежнему отказывалась называть его по имени, предпочитая сохранять дистанцию.

Перкинс спросил ее совета насчет жеребца с растяжением связок, которому плохо помогали холодные компрессы. Солджер был очень ценным жеребцом, и Перкинсу нужно было сразу послать за ней, чтобы назначить противовоспалительное. Но Джесс решила промолчать, не желая делать замечание в присутствии Цезарио.

- В тот же день, когда это случилось, нужно было проконсультироваться с Джессикой, - заметил Цезарио, тут же уловив ошибку конюха.

Закончив осмотр, Джесс направилась к выходу, искренне жалея, что Цезарио не остановил ее. Сделав несколько шагов, она повернулась и быстро сказала:

- Мне хотелось бы поговорить с вами, Цезарио.

Он посмотрел на нее, не скрывая своего изумления. Ее щеки порозовели. Крепко сжимая в руках ветеринарную сумку, Джесс чувствовала себя ужасно неловко под его пристальным взглядом.

Цезарио был действительно удивлен. Чего она могла от него хотеть? Будь ее воля, она бы вообще с ним не разговаривала.

– Я освобожусь через несколько минут, – наконец произнес он низким, чувственным голосом.

Никогда еще время не тянулось для нее так долго. Хуже всего, что Джесс до сих пор не имела ни малейшего представления, как же она скажет ему об отце...

Глава 2

– Возможно, мы могли бы поговорить сегодня за ужином? – предложил Цезарио.

Он решил, что она просто хотела попроситься на ужин!

Чувствуя себя оскорбленной, Джесс резко повернулась к нему:

– Сожалею, но – нет! Я хотела бы поговорить с вами о моей семье.

Еще один удивленный взгляд.

– О вашей... семье?..

У Джесс перехватило дыхание и ослабели колени. Она узнала мгновенную реакцию своего тела, которую так презирала. Но ни одна нормальная женщина не смогла бы остаться равнодушной к мужскому обаянию Цезарио. Ее тело, казалось, было запрограммировано на подобный ответ, который сама Джесс называла «коленным рефлексом на Цезарио». Она так и слышала торжествующий смех матери-природы, заложившей в нее эту программу. Программу, которую Джесс никогда не могла полностью подавить...

Кинув в сторону Перкинса взгляд, Джесс сказала:

– Мне бы не хотелось обсуждать это на людях.

Глаза Цезарио задержались на ее напряженном лице. Он заметил, как быстро бьется жилка в маленькой ямке у основания нежной шеи. Кожа ее была так

тонка, что он мог видеть просвечивающие сквозь нее голубоватые вены. Джесс была так близко... Ему вдруг нестерпимо захотелось увидеть ее обнаженной. Обнаженной и жаждущей...

– Тогда поговорим в доме, – предложил он, желая оградить себя от чар Джесс, окажись она рядом с ним в салоне «феррари».

В зеркало заднего вида он смотрел, как она, ничуть не беспокоясь об одежде, взяв на руки спящую в луже гончую, устроила ее на заднем сиденье своего старенького «лендровера». Две другие собаки крутились возле ног Джесс, словно не видели ее целый день. Восхищаясь сострадательной натурой девушки, Цезарио все же не мог одобрить столь безразличного отношения той к собственной внешности.

Обладая совершенной красотой, она держалась совсем не так, как держатся красивые женщины. Что еще больше могло заинтриговать мужчину, который привык находить представительниц ее пола поверхностными и предсказуемыми? Вероятно, в какой-то период жизни что-то случилось с Джессикой Мартин, не позволив развиваться в ней самолюбванию и кокетству.

Джесс остановила свою машину рядом с его «феррари». Увитый плющом дом в елизаветинском стиле из желтоватого камня со множеством дымоходов и рядом симметричных окон с частым переплетом, Холстон-Холл представлял собой незабываемое зрелище. Хотя Дот Смитерс, работая здесь, пару раз и приглашала сюда Джесс и ее мать, в основной части здания Джесс никогда не была.

Семья Данн-Монтгомери, которая несколько веков владела Холстон-Холлом и чьи наследники по мужской линии прямиком шли в парламент, не устраивала дней открытых дверей. Но шесть лет назад из-за растущих цен и ухудшения финансового положения семьи им пришлось продать поместье. К великому облегчению служащих, которые боялись, что имение будет распродано по частям и они останутся без работы, Цезарио ди Сильвестри купил его целиком. Он не только отреставрировал здание, но и с помощью современных агротехнических методов улучшил состояние земли и даже основал конный завод.

Круглолицый пухлый итальянец, сменивший Дот после ее ухода на пенсию, проводил Джесс внутри дома. В просторной гостиной бросался в глаза массивный тюдоровский камин. Над ним лепной вязью была выведена дата постройки.

От всего этого великолепия нервное напряжение у Джесс только усилилось. Подавив потребность оглядеться вокруг, она прошла через гостиную и попала в комнату, набитую современной оргтехникой и поэтому напоминающую офис. Джесс поразила какому-то сюрреалистическому контрасту начинки комнаты со стенами, обитыми деревянными панелями, и живописным видом на старый сад.

– Так, значит, вы хотели поговорить о вашей семье? – с еле заметным раздражением напомнил Цезарио.

Сидя на краю стола в белой рубашке с открытым воротом и прекрасно подогнанными по фигуре брюками, он представлял собой воплощение английского стиля, соединенного с итальянской элегантностью.

– Мой отец и братья работают у вас в имении... – сразу приступила к делу Джесс.

– Я знаю, – перебил ее Цезарио. – Управляющий сообщил мне об этом в первый же день.

Джесс гордо задрала подбородок. Для чего была дана эта информация? Уж не хотел ли управляющий подчеркнуть: она происходит из простой рабочей семьи? Что ж, это ничуть не повлияло на интерес Цезарио, поскольку приглашение на ужин последовало вскоре после его приезда... Упрямо отказываясь встречаться с ним взглядом – лишь бы сохранить самообладание, – Джесс выдохнула:

– То, что я хочу сказать, имеет отношение к ограблению...

Цезарио наклонился вперед:

– К ограблению моего дома?

Под его пристальным взглядом она побледнела:

- Да...

- Если у вас есть какая-то информация, почему вы не пошли с этим в полицию?

Джесс почувствовала, как ее кожа покрывается холодной испариной. Она сняла жакет и положила его в кресло.

- Потому что в этом... замешан мой отец... и мне хотелось сначала поговорить с вами.

Цезарио потребовалось несколько секунд, чтобы уловить связь. Роберт Мартин не только выполнял различную подручную работу, но и в отсутствие хозяина приглядывал за имением. В любое время он имел право входа в дом для осмотра и необходимого мелкого ремонта.

Глаза Цезарио гневно блеснули.

- Если ваш отец помогал грабителям, то вы зря теряете время!

- Дайте мне сначала объяснить. Я сама узнала об этом только вчера... В прошлом году у моей матери обнаружили рак. Это было очень тяжелое время для нашей семьи...

- Разумеется, я посочувствовал бы любому, оказавшемуся в положении вашей матери. Но я не вижу, как ее здоровье может быть связано с кражей моей картины, - сухо заметил Цезарио.

- Если вы меня выслушаете...

- Думаю, я более склонен к тому, чтобы позвонить в полицию и предоставить им возможность задавать вам вопросы. Это их работа, не моя! - отрезал Цезарио, протянув руку к телефону. - Я не желаю в этом участвовать.

- Пожалуйста, не звоните пока в полицию! - Джесс сделала движение, словно пытаясь своим хрупким телом поставить преграду между ним и телефоном. - Дайте мне возможность объяснить!

– Ладно, выкладывайте, – бросил Цезарио.

Где-то на примитивном мужском уровне он уже наплевал на все ее объяснения, предвкушая удовлетворение в отмщении. Эта английская роза больше не будет третировать его ледяным молчанием, надменно задирая свой маленький носик.

– Отец ужасно беспокоился о матери и после окончания курса лечения решил свозить ее куда-нибудь отдохнуть. Для этого ему пришлось занять денег... и под очень высокий процент...

Сбиваясь и запинаясь, Джесс рассказала всю историю, подчеркнув: только стремление вылезти из-под груза долга заставило Роберта Мартина согласиться на предложение ее двоюродных братьев.

– Так вот она какая – ваша семья! – усмехнулся Цезарио, гадая, что еще он мог бы услышать об этих менее чем щепетильных родственниках Джесс.

Впервые ему пришла в голову мысль: несмотря на всю ее образованность, эта английская мисс действительно находилась, что называется, по другую сторону дороги.

– Брат моей матери не раз сидел в тюрьме – его не беспокоило, каким способом заработать деньги. Но у его сыновей никогда не было серьезных проблем с законом. – Щеки Джесс горели от стыда, когда она выкладывала эти унижительные факты. – Вот мой отец и поверил: они хотят попасть в дом только для того, чтобы сделать фотографии.

Цезарио наградил ее презрительным взглядом:

– Этот дом наполнен антиквариатом и ценными произведениями искусства. Вы считаете, я поверю, что кто-то из вашей семьи был настолько глуп?

– Я не думаю, что мой отец глуп... Он просто находился в отчаянии и не знал, как ему избавиться от преследования племянников, поэтому и сделал то, что они просили... Он хотел защитить маму, хотел, чтобы она ничего не знала об этой истории... Нет, я его не оправдываю! Долгие годы ему доверяли, а он этим воспользовался. Но я... я уверена – мои кузены намеренно его подставили!

Цезарио по-прежнему хмуро смотрел на нее:

– Мне все равно, какие у кого были намерения. Болезнь вашей матери, как бы печально это ни было, меня тоже не касается. А вот то, что у меня пропала ценная картина и у вас есть информация...

– Боюсь, я ничего больше не знаю! И мой отец тоже. В его задачу входило только передать карточку и сообщить код.

– Что делает его таким же виновным, как и любого, вступившего в сговор с преступниками и снабдившего их средством доступа в частные владения.

– Он не знал, что там будет что-то украдено! Отец – честный человек!

– Честный человек не позволил бы таким людям, как вы мне их описали, войти в мой дом и делать там все, что им заблагорассудится, – отрезал Цезарио. – Зачем вы пришли ко мне? На что рассчитывали?

– Я думала, вы поверите – мой отец ничего не знал об ограблении...

Его рот искривился.

– Все, что у меня есть, – это только ваши слова. Если бы ваш отец оправдал возложенное на него доверие, никакого ограбления бы не было.

– Пожалуйста, послушайте меня... – Светлые глаза Джесс смотрели на него с мольбой. – Он честный человек и ужасно расстроен. Он в отчаянии от мысли, во что обошлось вам его простодушие...

– Простодушие – слишком мягкое слово для того, что я расцениваю как самое настоящее предательство, – перебил ее Цезарио. – Я еще раз спрашиваю: чего вы хотели от меня?

Джесс нервно покусывала губы:

– Я хотела, чтобы вы знали, как все случилось...

Цезарио презрительно рассмеялся:

– Нет, чего вы действительно хотели получить от нашей встречи? Полное отпущение грехов для вашего отца? И только потому, что я нахожу вас привлекательной? Вы на это рассчитывали?

Ее лицо вспыхнуло, как от пощечины. Джесс и в голову не приходило, что он до сих пор находит ее привлекательной.

– Конечно нет!

Его рот скривился в циничной усмешке.

– Да скажите мне, наконец, правду! Если мне и нравится ваше смазливое личико, то все же не настолько, чтобы я мог простить потерю картины стоимостью в полмиллиона фунтов. Вам стоило бы предложить мне более солидный выкуп.

Джесс смотрела на него в изумлении.

– Господи, да что вы за человек?! Я вовсе не собиралась предлагать вам ничего такого! – в ужасе выдохнула она, когда до нее дошел смысл его слов.

– Вот и хорошо. Потому что, несмотря на все оскорбительные слухи, которые распространяют обо мне британские таблоиды, я не общаюсь с женщинами, торгующими своим телом, – холодно процедил Цезарио, словно в насмешку над ее кипящим возмущением.

– У меня и в мыслях не было подобного! – повторила Джесс, потрясенная этим унижительным предположением.

Его глаза сузились.

– Значит, вы полагали, что я просто так прощу вашего отца? Вы считаете такую сделку нормальной?

– Сделку? Какую сделку? Вы говорите прямо как мои кузены. У вас испорченное воображение! – в шоке воскликнула Джесс. Унижение ее было предельным. Она

выхватила из кресла свой жакет и стала надевать его, пытаясь спрятаться в свободных и привычных складках материи. Остаток ее речи вылился в крик оскорбленной гордости: – К вашему сведению – я не сплю со всеми подряд! И секс для меня не что-то вроде еды на вынос! К тому же...

Его позабавила такая неожиданная вспышка и открытие: Джесс оказалась еще большей ханжой, чем он думал. Цезарио стоило усилий не рисовать в воображении картину ее гибкого тела, извивающегося в экстазе на шелковых простынях... Такая фантазия вряд ли была осуществима.

– Рад это слышать.

– К тому же... к тому же я девственница! – На мгновение Джесс замерла. Это признание как-то само собой сорвалось с ее языка. – Не то чтобы это имело значение, раз я вам все равно ничего не предлагаю... – пробормотала она, пытаясь спрятать свое смущение под потоком слов. – Но я признаю, что могла бы предложить вам буквально все, чтобы помочь моему отцу. Я просто в отчаянии...

Джесс подняла голову только затем, чтобы встретиться с его насмешливым взглядом.

– Девственница? Вы не можете быть девственницей – в вашем-то возрасте!

Ее пальцы сжались, она гордо выставила подбородок:

– Я вовсе этого не стыжусь. Чего тут стыдиться? Так уж случилось – я не встретила подходящего человека. Ну и что? Я могу жить и без этого!

А вот Цезарио уже не был уверен, что теперь сможет жить просто так с этой новостью. Неожиданно ему пришла в голову мысль – так вот в чем причина ее неловкости! Разумеется, он полагал, что у Джесс был какой-то опыт с мужчинами.

«Возможно, я оказался для нее слишком напорист или же моя репутация внесла свой вклад», – подумал он с раздражением.

Джессика Мартин оказалась нетронутый! И хотя в его постели никогда не было девственницы, он знал – ему бы пришлось по вкусу роль мужчины, открывающего женщине эту сторону жизни.

Почувствовав знакомую тяжесть в паху – как ответ на эти чувственные фантазии, он сдержал проклятие и выпрямился, снова взяв под контроль свое тело.

– Послушайте, неужели ничто не может изменить ваше решение? – в отчаянии воскликнула Джесс.

Этими опущенными веками на непроницаемом бронзовом лице он словно отрезал ее от себя. Он спросил, чего она ждет от него... Но она не знала, действительно не знала! Ей не удалось разбудить в Цезарио никакого ответного чувства рассказом о болезни ее матери и отчаянном положении отца. Теперь Джесс понимала: это было все равно что на скорости сто километров в час врезаться в каменную стену. Ее способности к убеждению оказались явно недостаточными.

На ее глазах выступили слезы – словно капли расплавленного серебра.

Цезарио был не из тех мужчин, которого мог растрогать женский плач, но к слезам Джесс он оказался не готов. Цезарио всегда считал ее эдаким «крепким орешком», учитывая работу, которой она занималась. Джесс уверенно обращалась с норовистыми жеребцами – и в то же время замирала от любой его попытки приблизиться к ней.

Увидев ее слезы, он сдержал резкие слова.

– Обещайте мне: вы подумаете над тем, что я рассказала... – пробормотала она, с трудом сдерживая рыдание. – Мой отец – достойный человек, но он совершил ужасную ошибку, из-за которой вы пострадали. Я не пытаюсь приуменьшить ваши потери, но, пожалуйста, не разрушайте из-за этого его жизнь...

– Я не хочу оставлять плохие дела безнаказанными. Я придерживаюсь принципа: око за око и зуб за зуб! – заявил Цезарио, удивляясь, почему она продолжает

настаивать, когда он не дает ей никакой надежды.

Знай Джесс о его репутации в деловом мире, она бы ни минуты не сомневалась: он скорее построит дыбу для ее отца. Да, Цезарио был жестким бизнесменом без сочувствия и жалости.

– Пожалуйста, ну пожалуйста... – умоляюще повторяла Джесс, направляясь к выходу.

Цезарио прошел вперед и открыл перед ней дверь. Такая галантность была ей незнакома. Ее братья всегда сломя голову лезли вперед, чтобы успеть первыми, да и манеры отца тоже не отличались особой изысканностью.

– Я не собираюсь менять свое решение, но и не буду звонить в полицию... по крайней мере, до завтрашнего утра, – сказал Цезарио, удивляясь, зачем он оставил ей это время.

Стоя у окна, он смотрел, как она уехала на своем старом трескучем джипе.

«Неужели нет ничего, что могло бы изменить ваше мнение... Я в отчаянии... Я могла бы предложить вам...»

Как она умоляла его!

И наконец Цезарио подумал о том, чего он действительно хотел и чего не мог купить ни за какие деньги. Уж не сошел ли он с ума, чтобы представить Джесс в этой роли? И осталось ли у него еще время?

Она могла принадлежать ему. Несмотря на других женщин, с помощью которых Цезарио привык искать спасение от депрессии, он до сих пор хотел Джессику Мартин. Если повезет, он сможет получить от нее то, что ему нужно. И на самых честных условиях. В жизни, все больше угрожавшей обернуться горечью и разочарованием, Цезарио необходимо было на что-то отвлечься. Женщина, одна лишь мысль о которой не давала ему спать по ночам, могла стать превосходным решением.

Конечно, не только физическое желание подталкивало Цезарио. Джесс обладала качествами, которыми нельзя было не восхищаться. Она умела работать и была настолько предана своей семье, что могла пожертвовать даже собственной гордостью. Она отдавала свое время и деньги уходу за животными, от которых отказались другие. Даже его богатство, что как магнит притягивало к нему женщин, не привлекало ее.

Нет, она определенно не была золотоискательницей!

Но мог ли он использовать ее отношение к семье в своих целях?

Уголки его губ дрогнули. Он решил отбросить сомнения, принять вызов и дать ей последний шанс.

Вечером Джесс была на дежурстве и к тому времени, когда она добралась до дома, чувствовала себя уже совершенно вымотанной. Она все боялась: вот-вот зазвонит телефон и ей сообщат, что отец арестован. Цезарио ди Сильвестри обещал подождать до утра, но могла ли она полагаться на его обещание?

Вспоминая их разговор, ей пришлось признать: ее попытка спасти отца была безнадежной. Даже если Цезарио не сообщит в полицию, Джейсон и Марк все равно все расскажут, если им предъявят обвинение. Уж это ее милые кузены непременно сделают! Ценная картина украдена, и не было надежды ее вернуть, не рассказав всю историю. К тому же оставался вопрос о страховке. Неужели страховая компания не потребует доказательств того, что были предприняты все меры, предотвращающие ограбление? Ну и как тут Цезарио сможет защитить Роберта Мартина от ответственности?

Выпустив из машины собак, Джесс направилась к дому. Дом был холодным и неприбранным. Угольная печь на кухне остыла, и Джесс вздохнула, торопясь переодеться. Сейчас она должна что-нибудь перекусить и пойти проведать своих питомцев.

Мэджик, глухой черный терьер, носился по комнате, словно мохнатый мячик, наполненный неумной энергией. Уид, костлявый серый пес, помесь колли с борзой, застенчиво мялся возле двери. Годы заботливой любви так и не смогли его убедить – этот дом может быть и его домом. Харлей, лабрадор с седой

мордой, спокойно лежал на полу возле кровати, удовлетворенный тем, что его любимая хозяйка снова дома.

Стоя возле окна, Джесс съела сэндвич, запивая его молоком, и в наступающих сумерках занялась привычными вечерними делами – чисткой, кормлением и мытьем своих подопечных. Когда она закончила и вернулась в дом, ей все еще нужно было затопить печь, что с первого раза никогда не удавалось.

Скрипнув зубами, она принялась за дело.

Ее мобильник зазвонил, когда она уже собиралась лечь спать и так устала, что едва могла двигаться.

– Это Цезарио... – прозвучал низкий чувственный голос, как если бы в его звонке не было ничего необычного.

– Слушаю, – ответила Джесс, подавив желание спросить, откуда у него номер ее мобильного.

– Вы не могли бы заехать ко мне завтра утром? Есть предложение.

– Предложение? Какое предложение?

– Не стоит обсуждать это по телефону. Так вы приедете?

– Да. У меня завтра как раз выходной.

Джесс закрыла телефон и издала победный крик, дав разрядку долгому напряжению. Значит, Цезарио все же прислушался к ее словам! И теперь вышел с предложением... что, впрочем, для сделки могло означать лишь другое слово...

От этой мысли ее первоначальный оптимизм сразу уменьшился. В конце концов, мужчина с принципами «око за око и зуб за зуб» вряд ли так просто простил бы ее неосмотрительного отца. Цезарио и сам это сказал. Так какое у него могло быть предложение? Имело ли оно отношение к сексу? С его репутацией и интересом, который он проявил к ней в начале их знакомства, вряд ли обойдется без этого.

Джесс вздрогнула, вспомнив о своих шрамах. Нечего удивляться, что она ни разу не отважилась раздеться ни перед одним мужчиной. Словом, секс отпадал...

Впрочем, судя по таблоидам, пестреющим признаниями бывших любовниц Цезарио ди Сильвестри, она все равно не смогла бы удовлетворить его экзотические вкусы в этой области...

Глава 3

Цезарио смотрел, как Джесс выбралась из старенького «лендровера» вместе со своими четвероногими друзьями.

Она сказала, что у нее выходной. Можно было ожидать, что девушка получше оденется по этому случаю. Хотя бы ради встречи с ним. Но на ней, как всегда, были джинсы и майка, достаточно свободная даже для двоих таких, как она, и твидовый шерстяной кардиган, вполне подходящий... чучелу в огороде.

Цезарио стиснул зубы. Если они достигнут соглашения, то обеим сторонам придется пойти на серьезные уступки. Не обязательно одеваться у кутюрье, но это не значит, что нужно ходить в каких-то обносках!

Томмазио одарил Джесс сияющей улыбкой и проводил в гостиную, с драматической пышностью декорированную черными и бордовыми тканями. Роскошные, обитые велюром диваны, стеклянные столики и современная живопись на стенах – все прекрасно сочеталось друг с другом.

Через пару минут Томмазио вернулся с кофе и бисквитами и сказал, что мистер ди Сильвестри просил подождать.

– Дела... дела... – Он поднял руку, изображая разговор по телефону.

От нервного возбуждения Джесс не сиделось. Она подошла к какому-то портрету, в то же время сомневаясь, был ли это действительно портрет. Ее вкусы в искусстве не отличались от общепринятых – пейзажи, рисунки

животных. Вряд ли в ее доме нашлось бы место хоть для одной картины из бесценной коллекции Цезарио.

Зазвонил ее телефон. Джесс поставила на стол чашку, когда увидела, что звонит ее мать.

Шарон рыдала в трубку, и трудно было понять, что она говорит. Но Джесс поняла. Отец все же собрался с духом и выложил ей за завтраком всю историю, после чего, в типично мужской манере, ретировался от вылившихся на него упреков. Шарон была просто раздавлена. Ее муж стоял на пороге тюрьмы за соучастие в ограблении!

– Этот проклятый кризис... все из-за этого проклятого кризиса... как будто я и обойтись без него не могла... – всхлипывала Шарон. – Теперь мы потеряем даже наш дом...

Джесс нахмурилась:

– О чем ты говоришь?

– Разве этот итальянец оставит нас на своей земле после того, что ему сделал твой отец? Я живу здесь уже тридцать лет, и я не вынесу, если потеряю еще и дом! А что будет с твоими братьями? Запомни мои слова, никто больше не захочет видеть Мартинов в Холстон-Холле!

Джесс попыталась ее успокоить, но Шарон Мартин была женщиной эмоциональной и к тому же прирожденным пессимистом. В ее представлении самое худшее, что могло случиться, уже случилось, и ее семья уже осталась и без дома, и без работы. Пообещав, что перезвонит позже, Джесс закрыла телефон и... увидела в дверях Цезарио.

Какую-то долю секунды она ошеломленно смотрела на него, понимая, что стала объектом его наблюдения. В синем деловом костюме и шелковом галстуке, Цезарио, как всегда, выглядел элегантным и невозмутимым, и лишь темные тени на скулах свидетельствовали – его сегодняшний день начался рано. Она всегда считала Цезарио красивым, но сейчас... сейчас он был просто неотразим. Тень проступившей щетины лишь добавляла ему сексуальности.

– Звонила моя мать... – неловко пояснила Джесс, убирая телефон в сумку. – Отец ей все рассказал. Она ужасно расстроена...

– Неудивительно, – усмехнулся Цезарио, заметив, как заострились ее черты.

Неожиданно он почувствовал удовлетворение – теперь в его власти устранить беспокойство из ее жизни. Он полночи провел без сна, прикидывая, чего бы ему хотелось получить и какой вариант мог бы лучше сработать. Да, это будет простое соглашение, свободное от собственнических эмоций и оторванных от реальности надежд. В таком случае каждый сохранил бы определенную независимость.

– Вы говорили о предложении... – пробормотала Джесс, глубже засовывая руки в карманы, чтобы скрыть напряжение.

– Выслушайте меня, прежде чем дать ответ, – начал он и остановился. Когда она вот так смотрела на него, то выглядела такой юной и милой... Ему оказалось нелегко повторить то, что он собирался сказать: – И самое главное, помните: к тому времени, когда наше соглашение подойдет к концу, вы будете находиться в самом выгодном положении.

Да, начало было впечатляющим. На ее гладком лбу появилась морщинка. Желая услышать, что он скажет дальше, Джесс медленно кивнула.

– Одним словом, я знаю, что вы могли бы сделать для меня, – продолжал Цезарио, не сводя с нее пристального взгляда. – В обмен на это я обещаю не возбуждать дела против вашего отца.

Джесс подавила произвольный вздох облегчения:

– Чем я могу вам помочь?

– Я хотел бы иметь ребенка, но... не совсем так, как это обычно принято, – начал объяснять Цезарио. Его красивый профиль четко вырисовывался на светлом фоне окна. – Не думаю, что найдется женщина, с которой мне удалось бы прожить всю свою жизнь. С другой стороны, мне вполне по силам справиться с браком на более практической основе.

Она нахмурилась еще больше, пытаясь уловить, каким образом эта тема может быть связана с проблемами ее отца.

– Как это – на практической основе? – спросила Джесс. Наверное, она чего-то не поняла. Ей казалось странным, что Цезарио считал возможным обсуждать с ней такие вопросы.

– Мы заключим простой контракт, свободный от всяких красивых идей и ожиданий – таких как любовь, преданность и подобная романтическая чушь. Если вы согласитесь родить от меня ребенка, я женюсь на вас. А через два года вы снова станете свободной, и вам уже никогда не придется беспокоиться о деньгах.

Ошеломленная, Джесс на мгновение отвела взгляд. Потом снова посмотрела на него:

– Я не представляю, что вы можете говорить это серьезно. Вы красивы, молоды, богаты. Множество женщин были бы рады выйти за вас замуж и родить вам ребенка.

– Но мне не нужна самовлюбленная охотница за моим состоянием ни в качестве жены, ни тем более в качестве матери моего ребенка. Мне нужна интеллигентная, независимая женщина, которая согласится на мои условия, не ожидая никаких длительных отношений.

Такое предложение вряд ли могло особенно польстить...

Джесс выпрямилась:

– Но если вы не готовы к длительным отношениям, то почему вы хотите ребенка?

– Одно не исключает другого. Я буду предан своему ребенку, – уверенно заявил Цезарио. – Я не эгоист.

Джесс медленно покачала головой. Ее неодобрение было очевидно.

– Вы так отчаянно хотите ребенка, что не можете подождать, пока встретите подходящую женщину?

– Мне хотелось бы сказать твердое «да», чтобы представить себя в выгодном свете. Я действительно очень хочу ребенка. – Его рот сжался и превратился в тонкую линию. – Но это еще не вся история...

Джесс кивнула, не удивленная таким признанием.

– Я прямой потомок длинной линии ди Сильвестри, – продолжал Цезарио. Его темные глаза сузились, сфокусировавшись на отдаленной точке за окном. – Мой дед всегда очень гордился этим. Он был просто одержим кровными узами и посвятил свою жизнь укреплению семейного древа. Дед так хитро составил свое завещание, что я смогу унаследовать после своего отца наше тосканское имение только в том случае, если у меня будет наследник. Сын или дочь – это не имеет значения. Но я должен иметь наследника, чтобы остаться владельцем нашего фамильного дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/linn-grehem/poka-zhiva-nadezhda>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)